

ЧЕЛОВЕК И РОДИНА.
К вопросу о концепции человека
в творчестве Леонида Леонова

С. КУЗЬМЕНКО

«Чувство Родины... при всех обстоятельствах становится для нас понятием великого, всех нас объединяющего источника, откуда мы черпаем наши силы, веру в будущее и творческое вдохновение»

*(Л. Леонов, «Литературная газета»,
4 сентября 1968 г.)*

Концепция человека, выдвинутая литературой социалистического реализма, находится в резком противоречии с положением буржуазно-литературоведения о том, что человек по самой своей природе противостоит окружающему миру и человечеству в целом, что конфликт человеческого «Я» с обществом, с окружающей средой является основной жизненной закономерностью, которая должна найти отражение и в литературе. В противовес требованию об отчужденности человека от общественной жизни, сосредоточении его физических и нравственных сил в сфере личных интересов, как единственном пути к духовной независимости и полноте самовыражения личности, советская литература выдвигает тип активного, общественного человека, человека-творца, созидателя нового мира. Лучшие произведения советских писателей дают нам целую галерею ярких человеческих образов, богатство и сложность духовного мира которых раскрывается именно через тесное взаимодействие идейно-нравственных, исторических и социальных граней характера. Примером в этом отношении может служить творчество Леонида Леонова, положительный герой которого — всегда страстная, действенная натура, не только явственно ощущающая слиянность своей судьбы с судьбою Родины и народа в ходе решающих битв эпохи, но и черпающая в этом сознании силу духа и волю к борьбе.

Однако добиться особой выразительности в изображении такой человеческой личности Леонову удается лишь благодаря тому, что эти черты, общие для героев литературы социалистического реализма, базируются и органически вытекают из других, специфически леоновских особенностей их характеров, являющихся результатом особого, свойственного лишь этому писателю взгляда на мир и человека. Слияние этих черт и особенностей в ярких и цельных художественных образах

и дает нам художественное воплощение оригинальной, леоновской концепции человеческого характера.

Один из важнейших аспектов этой концепции — положение о генетической, кровной связи человека с породившей его землей. Истоки его — в творческой индивидуальности Леонова-писателя, сущность которой составляет глубокая и проникновенная любовь к Родине. В этой любви нет черт национальной ограниченности: высшая ступень патриотизма по Леонову — это способность человека жить интернациональными интересами: «патриотизм, в конечном счете, для других — больше, чем для себя»¹. И тем не менее писатель считает, что истоки такого патриотизма — в глубинных слоях человеческой души: в стихийной тяге к родной земле, в осознании себя и своего поколения звеном в неразрывной цепи развития нации. Положительный герой Леонова — это всегда человек, воплотивший в себе определяющие особенности национального характера, причем «русскость» его становится не только одним из основных движущих факторов развития образа, но и порою определяет весь рисунок человеческой судьбы. основополагающая черта этого характера, по Леонову, — это слиянность, неразрывность человека и его Родины. Мысль писателя: «... число обстоятельств, которыми человек привинчен к земле, безгранично... я думаю, что человек никогда не сможет обосноваться на другой планете. Потому, что земля не пускает...»² определенно вытекает из другой, общей для всего творчества писателя мысли о том, что русский человек, которого Леонов исследует на протяжении вот уже пяти десятилетий, не может жить полной жизнью, будучи оторванным от родной почвы, от земли, которая его породила. В каком бы образе не представлялась Родина леоновскому герою — от дремучего леса-исполина, простираемого могучие ветви над всей необозримой страной, до покосившегося домишки с мальвами в палисаднике в заштатном степном городишке — всегда одинаково, несоизмеримо с доводами рассудка, неодолимая сила тянет к ней сердца героев сквозь бури войн и революций, сквозь дебри предрассудков и заблуждений так, что, в случае сопротивления, силы этой хватит и на то, чтобы «вовсе вырвать этот трепетный комочек мяса из груди»³.

Эта особенность леоновской концепции человека долгое время оставалась вне поля зрения литературоведов, исследователей его творчества, однако в последние годы ей уделяется все возрастающее внимание. В журнале «Русская литература» № 4 за 1967 год была опубликована статья Н. Грозновой «К характеристике художественного своеобразия творчества Леонова», подчеркивающая первостепенную важность исследования данной проблемы для уяснения того, что было достигнуто

¹ Л. Леонов. Литература и время. М., 1964, стр. 176.

² Л. Леонов. По координатам жизни.—«Вопросы литературы», 1966, № 6, стр. 98.

³ Л. Леонов. „Eugenia Ivanovna“. М., 1966, стр. 58.

Леоновым в воссоздании процесса социалистического преобразования человека. Данная статья представляет собой попытку проанализировать отношения героя и Родины у Леонова, как своеобразного средства типизации, рассмотреть роль этих отношений в формировании характера человека и выявлении сущности человеческой личности (на материале романов «Барсуки», «Соть», «Вор», «Скутаревский», «Дорога на Океан», «Русский лес» и повести «Eugenia Ivanovna»).

Образ Родины в леоновском творчестве всеобъемлющ и многогранен. Первооснова его — всегда нечто конкретное, резко ограниченное — то самое маленькое на большой земле место, откуда «есть пошел» русский человек. Но, оставаясь внешне воплощенным по-прежнему в маленьком, конкретном, этот образ постепенно обогащается, включая в себя и русский исторический уклад, и русскую природу, и сообщество людей, живущих на русской земле, и, наконец, революционную идею, впервые в мире претворенную в жизнь русским человеком. Родина, Россия занимает ведущее место в системе образов произведения, являясь организующим началом этой системы, своего рода «ключом» к разгадке весьма сложно зашифрованных писателем человеческих личностей. Путем, который ведет к разгадке, становятся отношения героя и Родины.

Отношения человека и Родины, человека и мира, который его породил, Леонов рассматривает как сложный, противоречивый процесс взаимообмена, усвоения героем целого комплекса национальных и социальных тенденций. Именно в процессе этого усвоения вызревает человеческая личность, ярко и полно выявляются как личные особенности героя, так и его социальная характерность. Однако этим далеко не исчерпывается роль этого постоянного и активного контакта. Для Леонова, всегда рассматривающего патриотические устремления как основной стимул духовной жизни человека и его практической деятельности, отношения героя и Родины превращаются в средство выявления его внутренней сущности, духовной ценности его личности.

Полифоничность романов Леонова, широчайший охват в них самых различных слоев жизни общества порою выдвигают в центр его произведений человека, далекого от правды революции и даже враждебного ей. Однако отношения героя и Родины и здесь помогают выявить истинную сущность человеческого характера. Деяния героя измеряются степенью их соответствия целям и интересам Родины.

Герой «Барсуков» Семен Рахлеев — личность, отмеченная немалой долей авторского сочувствия, сожаления о погибшей силе, о незаурядном человеке, волею судеб заблудившемся в «трех соснах» классовой борьбы. Действиями Семена движет искренняя любовь к Родине, искреннее желание видеть родные края, мужиков счастливыми. Но Леонов безоговорочно присоединяется к беспощадному приговору, который вы-

носит Сеньке старший брат Павел: «И ты не мной осужен. Ты самой жизнью осужен... Мы строим, ну, сказать бы, процесс природы, а ты нам мешаешь»⁵.

Любовь к Родине, «чем и пишется национальная история»⁶, по Леонову, должна вести «нацию вперед, а не цепляться плачевно за ноги, волоча назад, в девственную древность»⁷. Но Семен Рахлеев любит родную землю по-другому. Вот, после долгого отсутствия возвращается Сенька в родные края. Позади — жизнь в Зарядье, фронт, вздыбленная революцией страна. А здесь все та же вековечная застойная тишь. «Опять, под той же ветлой, где и Максим, сидит пастух и плетет обычный лапоть, а пастушата собираются купаться. Вот оно, самое дорогое и повторяемое из века в век!»⁸

Умиляется, растроган герой, а в диссонанс идиллии звучит горькая авторская ирония. Сеньке ли, с малолетства хлебнувшему горькой пастушеской доли, радоваться, что и революция не всколыхнула стоячего болота старой кондовой Руси! Так впервые появляется в романе тревожный мотив роковой разорванности интересов героя и Родины. Той разорванности, которая становится причиной его политической слепоты и неизбежно приведет Семена Рахлеева к трагическому финалу.

Родина для Семена Рахлеева — это нечто маленькое, глухое, отгороженное от светлого и просторного мира стеной окрестных лесов. В его понятии Родины нет места ни революционной идее, ни революционному преобразованию «от века» существующего мира. И эта роковая ограниченность, преодолеть которую не способна даже любовь, символизирует ограниченность социальную.

Глубоко сочувствуя своему герою, Леонов в то же время не может пойти против правды жизни. Преданный только своей, крохотной родине, Рахлеев органически не способен осознать смысл великих перемен, происходящих в стране, интересов, которыми живет народ. Это непонимание и ведет его против течения народной жизни, обрекает его и его дело на бесславную гибель.

Чрезвычайно важна роль отношений героя и Родины как средства формирования характера, становления человеческой личности.

Комментируя вторую редакцию романа «Вор» и, в частности, те изменения, которые претерпел образ главного героя, Леонов вспоминает,

⁵ Л. Леонов. Собр. соч. в 9-ти томах, М., 1960, т. 2, стр. 343.

⁶ Там же, т. 9, стр. 707.

⁷ Л. Леонов. Судьба поэта.—«Новый мир», 1945, № 1.

⁸ Л. Леонов. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 2, стр. 155.

что Горький, вскоре после выхода в свет первой редакции, «предсказал, что я однажды убью (убью!) Митьку...»⁹.

Тридцать лет спустя писатель констатирует, что «убийство» совершилось. Предпринятая в первой редакции попытка «понять, не осуждая», превратилась в беспощадное развенчание героя. Чтобы решительно и бесповоротно осудить Митьку, писателю потребовался опыт целого поколения, вместе с которым автор понял, что «не заступаться за него надо, а отвернуться бы... вовсе... пока не окликнет вас однажды... человеческим голосом»¹⁰.

Вторая редакция романа — доказательство того, что падение Дмитрия Векшина вызвано не стечением обстоятельств, а самой сущностью его личности. Эгоист живет в душе Векшина и под френчем красного командира, и под роскошным ворованным енотом. Два человека по-настоящему близки Митьке — пылающая любовью-ненавистью Маша Домоманова и преданный Санька-Велосипед. И обоих их герой обкрадывает душевно, отталкивает от себя равнодушием и предательством. Не случайно Леонов так расширяет и насыщает во второй редакции образ Ксении. Это женщина, падшая и поднявшаяся, и вновь сброшенная на дно жизни мимолетным векшинским движением, становится живым воплощением обвинительного акта себялюбцу и эгоисту. Разоблачая эгоистическую сущность любви Векшина к людям, многократно декларируемой героем, Леонов приводит читателя к выводу, что Векшин может быть «действительно любит... но не самих людей, а человечество, причем довольно безличное, потому что ужасно как отдаленное, приятно молчаливое за далью веков... а этим самым ужасно для любви удобное»¹¹... Оттого-то и был возможен для Векшина переход из Красной конницы в воровскую малину, что, как «борясь за идею», так и взламывая учрежденческий сейф, он думал только о себе, оставаясь безразличным к людям, борются ли они или тоже воруют с ним рядом.

Однако, беспощадно осудив своего героя, Леонов не теряет веры в него. Незаурядность и сила Митькиной личности и, главное, то, что и в грязи, на дне жизни, не покидает его большое, страстное чувство ответственности за все происходящее вокруг, чувство «отставшего», но в чем-то внутренне честного человека, позволяют автору дать герою надежду на грядущее возрождение. И здесь с особой силой вступает властно звучащая на протяжении всего романа тема Родины.

Атмосферу романов Леонова, их особое, своеобычное построение создает четкий подтекст, пронизывающий их обширные полотна. В романе «Вор» — это тема перевала. На перевале, в грозное, переходное

⁹ Цит. по ст. В. А. Ковалева «Леонов и Горький». — «Русская литература», 1967, № 2, стр. 15.

¹⁰ Л. Леонов. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 3, стр. 533.

¹¹ Там же, стр. 537.

время живут герои романа. И в жизни каждого из них есть свой перевал.

Образ Митьки Векшина построен Леоновым тоже по принципу «перевала»: крутое восхождение героя на некую романтическую высоту, кульминационный момент этого взлета, за которым следует стремительное падение.

Митька Векшин появляется перед читателем в романтическом облике «настоящего человека», волею случая попавшего в «грязные обстоятельства». Но и на дне жизни он, по утверждению других героев, «до железности справедлив», «и под кнутом к врагу не перебежит, неправде не поклонится»¹². Даже непримиримый коммунист Арташез делает попытку как-то оправдать бывшего друга: «...я полагаю, с настоящим человеком все может случиться»¹³. Да и сам Митька непрестанно подчеркивает, что он не просто ворует, а, так сказать, «собою протестует»: «Не хочу заодно с Чикилевым в шелки подсматривать»¹⁴. «Человек — это такое вешее слово, Пчхов, что выше всех титулов на свете... Ему вперед и вверх надо, вперед и вверх...»¹⁵

Романтизация блатного героя, «исключительной личности в исключительных обстоятельствах» продолжается в романе до определенного момента. А затем наступает всеобщее прозрение. Открываются глаза у восторженной Тани: «Меня обидела в тот раз, извини, беспардонная хлесткость твоя, с какой ты нам, живым людям, назначаешь судьбы, на глазок и даже заочно... И даже в грязи лежа сейчас, ты берешься наставленья читать»¹⁶. Неистовствует в разоблачительном экстазе Ксения: «Думаешь, железный ты, раз тебе не больно, не холодно, не совестно, а это только всего и означает, что скотина ты, бесчувственная и опасная!»¹⁷ И сам автор решительно подключается к этому дружно осуждающему хору. Он уже не видит в Митьке человека, в котором, несмотря на его падение, живы прежние героические черты. Вор Векшин кажется ему иным: «...посутулел, отяжелели руки, зарделись кончики ушей, взгляд приобрел исподлобную пристальность, а речь стала отрывистой. Вряд ли то был естественный стыд наготы... в нем проступило что-то от волка на бегу, на мушке, даже от Аггея Столярова что-то»¹⁸.

Но еще беспощаднее для самого героя разоблачение внутреннее, происходящее в его собственной душе. Ведь Векшин искренне верует

¹² Л. Леонов. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 3, стр. 335.

¹³ Там же, стр. 182.

¹⁴ Там же, стр. 176.

¹⁵ Там же, стр. 174.

¹⁶ Там же, стр. 612.

¹⁷ Там же, стр. 573.

¹⁸ Там же, стр. 443.

в то, что ворует «из протеста», что в душе своей он выше и честнее разного рода окружающих его чикилевых. И оттого еще мучительнее прозрение, наступающее героя на внутреннем «перевале».

Таким перевалом становится для Митьки Векшина его встреча с Родиной.

Первое упоминание о поездке героя на родину появляется в разговоре Векшина и Пчхова. Затем Леонов сообщает читателю, что разговора этого на самом деле не было, его де выдумал Фирсов, в произведении которого события движутся не так, как бывает в жизни на самом деле, а так, как «следует быть». Но мотив поездки постепенно крепнет. Становится ясным, что единственным выходом для оказавшегося в нравственном тупике героя — поездка туда, где вроде бы и «нет особого потрясения, а просто проживает обыкновенный русский народ»¹⁹.

И вот Векшин в родных местах, наедине с природой, перед чистым и беспристрастным ликом которой невозможна какая бы то ни была ложь и увертка. Поутру, после тяжелого похмелья на братниной свадьбе, тайком спускается Митька с сеновала и, не узнавший никем, отправляется в скитания по родной земле. Он идет от села к селу, среди тишины полей и прибойного шума лесной глуши, грудью припадая к родной и вечной земле. И здесь, ощущая на своем лице могучее и чистое дыхание народной жизни, впервые с беспощадной ясностью сознает Векшин, что не герой он и не сильная личность, что он «вор и отребье своего класса. В походе таких, как он, пускали в расход без суда»²⁰. Сброшенный с романтической высоты, герой стремительно скатывается вниз, в грязное болото воровской «малины», над которым он, собственно, никогда и не поднимался и из которого ему предстоит выбираться долго и трудно.

Строга Родина к своему блудному сыну. Но не безжалостна. То сильное и честное, что все-таки остается, хоть и затоптанным в грязи, в характере Митьки, помогает ему не только осознать свое собственное падение, но и увидеть путь «в покинутое русло жизни»²¹. И путь этот подсказывает ему Родина.

«Величественная панорама крупной по тому времени стройки захватывала дыхание. Работа по созданию электростанции на Кудеме была в полном разгаре, веселое, муравейное оживление происходило на обеих сторонах реки, стиснутой в том месте берегами... Все это призрачно расплывалось в знойной дымке, к тому же редкий звук достигал высоты, где стоял Леонтий с Векшиным, полуденное затишье со стрекотом полевых сверчков полностью поглощало грохот стройки.

— И давно они начали?— тихо спросил Векшин.

¹⁹ Там же, стр. 403.

²⁰ Там же, стр. 407.

²¹ Там же, стр. 477.

— Как снега сошли. С тех пор я частенько сюда хожу. Не знаю почему, а как к вину тянет. Сяду и смотрю, часами смотрю, как на видение...

— А что, засасывает? — всем существом понимая эту тоску отставшего, покосился на него Векшин»²².

Именно здесь, на Кудеме, загорается перед Митькой, пусть еще маленький и неясный, огонек в той беспросветной мгле, в которой виделось ему будущее. Именно здесь истоки решения, к которому приходит герой: «Попробую вперед и вверх, Пчхов, лишь бы зубы от усилья не выкрошились...»²³. И оттого-то в заключительных строках романа, «внахлест, словно кланаясь» падая на родную землю, Векшин ощущает боль в разодранных руках, «словно ласку» простившей Родины. Впереди ему уже явственно чудится этот все разгорающийся огонек, путь к возрождению.

* * *

Образ Лизы Похвисневой («Дорога на Океан») — один из вариантов наиболее близкого Леонову и любимого им женского типа. Неувядающая женственность при явной обиженности жизнью, в глубине души — чистота и честность, несмотря на вынужденное умение приспособляться, чисто женская, кошачья живучесть в сочетании с неспособностью в решительную минуту на унижающий компромисс — вот его характерные черты. Главный герой романа коммунист Курилов сравнивает Лизу со своей умершей женой Катеринкой: «Их роднила кажущаяся беспомощность (хотя покойница имела силу воевать со старым Протоклитовым, а в числе Лизиных трофеев был Ксаверий), задушевная вкрадчивость и отсутствие внешней нарядности... застенчивая двойственность речи (всегда позади сказанной звучала другая, главная фраза)»²⁴. А сама Лиза, думая о себе, «хорошая она или дурная, умная или только жадная», вспоминает «овраг в Пороженске, весь в осыпях и богатых бурьянах... Битое стекло, ведра без днищ, конские копыта и гигантские сотлевающие сапоги валялись там вперемежку, и на грядках их качались плодовые, с тусклыми соцветиями дикарские травы. Ничто другое не уживалось здесь, кроме повилики. Ее гибкий, беспомощный стебель, подобно недугу, обвивал грубые солдатские тела сорняков. Наверно, всем этим пижмам, пыреям, чертополохам лестно было рядиться в хрупкую прелесть ее нежных и маленьких цветов»²⁵.

Цепкой, неприхотливой повиликой расцветает в провинциальном городишке нищая девочка Лиза. Полуголодное детство побирушки воспитало в ней лишь завидное для любого сорняка умение «прочно пус-

²² Там же, стр. 490.

²³ Там же, стр. 666.

²⁴ Там же, т. 6, стр. 410.

²⁵ Там же, стр. 95.

кать корешки в самую твердую почву». В душе Лизы нет места чувству Родины, любви к ней. И это понятно. Уроки пройденной ею «практической академии бесчестности, унижения и мелких бедствий» не только не воспитывали этого чувства, но и убивали его в самом зародыше. Со звериной цепкостью выбиваясь «наверх», Лиза вступает на первую ступеньку «огромной лестницы в жизнь». Этой ступенькой становится стареющий театральный корифей Закурдаев. Затем следует вторая ступенька — профессор Илья Протоклитов.

Но в душе Лизы (а иначе не любил бы ее Леонов) постоянно живут неудовлетворенность, внутренний протест против «счастья», завоеванного ценой сделки с совестью. Героиня мечется, пытается найти выход из морального тупика. Внутренняя сила, чувство подлинного художника, заложенное в ее душу самою природой, подсказывают первый верный шаг — отказаться от этого «счастья», от грязных окольных тропинок, и, полагаясь лишь на самое себя, вступить на прямую жизненную дорогу. На этом пути Лиза впервые встречает большого, незаурядного человека, настоящую, всеочищающую любовь.

Алексей Курилов — пожалуй, наиболее монументальный, величественный из леоновских образов.словно могучий русский лес, возвышается этот герой над огромной страной, в ее неукротимом движении к Океану, светлому будущему человечества. И, словно символизируя величие и простоту ленинской, коммунистической идеи, сливаются в его характере величие и простота. Смертельно больной, мечта о прекрасном будущем, приближению которого отдана его жизнь, Курилов внимательно вглядывается вокруг, стараясь не пропустить ни одного ростка этой новой жизни, а заметив, поддержать его, помочь пробиться к солнцу.

В Лизе Курилов замечает то, чего не увидели в ней ни ревнивые коллеги-актеры, ни искренне, но эгоистично любящий муж: не только незаурядную творческую индивидуальность, но и внутреннюю совесть, постоянное недовольство собою, желание стать лучше, умнее, чище. И путь, который он подсказывает ей — единственно правильный и закономерен. Это путь к людям, к народу, к Родине. Робко Лиза делает первые шаги по этому пути. «Но зато уж потом с каждым шагом тверже становилась походка. Дорога вела на Ахметово и дальше в Черемшанск»²⁶.

Маленький и невидный русский городишко, Черемшанск, чем-то так напоминающий ненавистный Лизе Пороженск, и так же, как тысячи Пороженсков, преображенный эпохой свободного труда, становится для Лизы местом, где в повседневном общении с людьми, в нелегком, но радостном труде обогащается ее знание жизни, крепнет ее талант,

²⁶ Там же, стр. 334.

а с ним — вера в себя, в свои силы, в свою нужность людям. Здесь обретает героиня Родину — животворный источник нравственной силы, мужества, уверенности в будущем.

«Они проходили длинными улицами, и ей казалось, что это те же самые, где она когда-то бегала босоножкой. Провинциальные города точно с конвейера. В этом доме, где сапог гиганта на заборчике, умерла мать. У тети Шуры огонек: наверно проверяет ребячьи диктанты старенькая. На освещенном окне, у которого любил сидеть Закурдаев, стоит бутылка; видимо, этот номер по традиции занимают пьяницы... И вот, наконец, тот знаменитый овраг... молодой, рожками вверх, как бы на спину положенный месяц придает всему пронзительную весеннюю новизну. Смутная гряда снега мерцает на дне лиловой бездны. Тишина — как льдинка, ее сломаешь даже шепотом... Второй акт жизни закончен — и как хорошо, что главное еще впереди!»²⁷

* * *

Одна из основополагающих проблем, которые решает в своем творчестве Леонов, — моральное низложение эгоиста. Избрав своим положительным героем человека, жизнь которого отдана высокому служению Родине, Леонов яростно обличает себялюбца, ставящего превыше всего свои, личные, эгоистические интересы, достигая в этом разоблачении поистине горьковских высот отрицания, огромной уничтожающей силы. И вновь отношения героя и Родины выступают как некий критерий, которым брезгливо, ненавидя, меряет писатель глубину нравственного падения человека.

Взъерошенным, гонимым ветром облаком прокатывается по страницам романа «Соть» судьба Виссариона Буланина. Белый офицер в прошлом, проповедник анархии и контрреволюции в настоящем, Буланин мечтает о грядущем пришествии сильной личности, которая поведет Россию «назад к тезису», в пустыню, по которой «проскачет свободный и голый человек». Но на чем основаны утверждения героя, в чем сущность его стремлений? Нег, не о счастье Родины, не о ее славе печется Буланин. Им руководит лишь волчьа ненависть да «крюющееся под сумасбродной оболочкой идеи человеческое честолюбие»²⁸. Это себя видит он в облике «хромого предтечи Аттилы, шагающего по пустыне»²⁹, это о себе, о личной славе, о возвышении мечтает он, пытаясь поднять рабочих Сотьстрой на выступление против Советской власти. И потому, доказывает автор, человек этот, по самой сути своей глубоко враждебный интересам Родины, обречен самою жизнью, как явление вредное и опасное для закономерного и естественного «процесса природы». Служит

²⁷ Там же, стр. 575.

²⁸ Там же, т. 4, стр. 214.

²⁹ Там же, стр. 252.

чайное облако — след недавней грозы — на ясном небосклоне преображающейся России, Буланин гибнет бессмысленно и бесславно от рук своих бывших сообщников. И так мало, оказывается, значил этот, так много мнивший о себе человек, что сама память о нем стирается, точно растворяется в огромном море торжествующей жизни. Виссариона «закопали, как чурку, на развилине шонохской дороги... Осенние дожди посмыли непрочную надпись, а подновить ее все недоставало рук. По весне, когда окончательно поистерлась память об этом неудавшемся предтече нового Аттилла, блуждал тут хозяйственный мужичок с Нерьмы и, чтоб не пропадать столбу задаром, начертил на дощечке черную стрелку химическим карандашом, а под ней тридцать две корявых буквенки: «Отсоль до Сотьстроа километров шесть»³⁰.

Положительный герой Леонова — это всегда Прометей, с безоглядной щедростью отдающий людям и неистовый жар своей мысли, и душевное тепло. Только такая самоотдача питает истинный талант. Зато эгоист, себялюбец у него всегда внутренне бессилён и пуст. Таков Арсений Скутаревский — бездарный инженер, живущий отцовской славой, неблагодарный друг, предатель Родины.

Анализируя причины, приведшие Арсения к моральному падению, Леонов идет от внешних, бросающихся в глаза примет неукорененности героя в родной почве (не случайно в разговоре с Черимовым высказывает Арсений словно бы в полшутку нелепое желание «на малайском архипелаге срубить собственноручно баобабы» — так мечтает об устрицах Леонтий Векшин, тоже авторский нелюбимец), к более глубоким, заложенным в самой сущности характера Арсения — его глубочайшему, словно бы от самой природы, эгоизму. Потому чужды Арсению интересы Родины, потому с такою легкостью и без угрызений совести предает он ее, что для человека этого нет в жизни ничего выше и значительнее его собственной особы.

По словам Скутаревского «свято» для него лишь революционное прошлое, воспоминания о партизанской юности, о друге Кольке Черимове, о погибшем командире Гарасе, которого Арсений «возвышает чуть ли не до былинного старчища, который с рогатиной, один на один вышел на интервентов»³¹. Но искренне ли это преклонение перед прошлым, идеалам которого Арсений так быстро изменил? Нет — доказывает Леонов. Боевое прошлое дорого ему только по той причине, что это его, Арсения Скутаревского, боевое прошлое. Арсений героизирует отряд, боевых друзей лишь потому, «что тем самым и существованию своему создавал оправдание теплое и уютное»³². «Когда... инженер Скутаревский получил из неизвестности брошюрку с безвестным именем Чери-

³⁰ Там же, стр. 288.

³¹ Там же, т. 5, стр. 83.

³² Там же, ~~стр. 84~~

мова»³³, ему и в голову не пришло, что это тот самый Колька, с которым когда-то они делили тяготы партизанской жизни. И неудивительно. В душе Арсений всегда слегка презирал друга, считал его ниже себя и теперь просто не может «примириться с новым Черимовым, который в плане житейском становился... рядом с ним»³⁴. Даже преклонение Арсения перед Гарасей оказывается на поверку неискренним, потому что «всегда заодно с Черимовым презирал он и Гарасю»³⁵, а вынося из боя смертельно раненого командира (единственный достойный уважения эпизод в прошлом героя), «в потаенной мысли своей... дивился угрюмой Гарасиной живучести...»³⁶ И хотя накануне трагического финала, словно последний проблеск сознания перед погружением в вечную тьму, вспыхивает в душе героя мучительное чувство вины перед Родиной — это уже не может изменить, отсрочить закономерного развития событий. Как и Буланин, Арсений исчезает бесследно из бытия и памяти Родины.

* * *

Зловеще яркая, но тоже бесплодная звезда восходит на небосклоне русского леса в образе Александра Яковлевича Грацианского. Только себе самому, собственному благополучию, собственному преуспеянию, ограждению собственной особы от мелких житейских неурядиц посвящает Александр Яковлевич всю свою жизнь. В надежде создать «воображаемые... совершенные формы общества, где он мог бы отдохнуть на лаврах, благословляемый умиленным человечеством», Грацианский примазывается к революции. Из мелкого хвастовства, щеголяя своей осведомленностью, предает товарища.

Грацианский — потребитель в самом низком значении этого слова. Даже критикуя Вихрова, он, тем не менее, старается «поддерживать репутацию Ивана Матвеевича, как одного из крупнейших русских лесоводов», чтобы иметь возможность «вести в отношении его постоянное непрерывное хозяйство с ежегодной, так сказать, стрижкой ренты». Потребительское отношение к людям, которые его окружают, к делу, которому он служит, переходит у героя и в чисто потребительское отношение к Родине. «Грацианский возможно и любил Россию, только без радостного озарения, без молчаливой готовности проститься с жизнью ради нее, как это свойственно тем, кто создает повседневные ценности и славу своего отечества... Грацианский любил ее, как необыкновенной прелести экзотическую тему, зародившуюся в распадные годы его совершеннолетия, — с вихревыми тройками, прославленными впослед-

³³ Там же, стр. 74.

³⁴ Там же, стр. 82.

³⁵ Там же, стр. 86.

³⁶ Там же, стр. 87.

ствии на папиросных коробках для интуристов, с уютными скитами на приречных взгорьях, ... с разбойными посविдами на мгlistых безветренных рассветах, как это представлялось из барской квартирки на Сергиевской»³⁷. Между героем и Родиной не только нет тех тесных взаимопроникающих связей, которые предполагают «радостное озаренье» или «готовность проститься» во имя нее с самой жизнью. Грацианский чужд и даже враждебен Родине. С неистовой страстью доказывает это Леонов, вводя в роман сцену у лесного родника. Враждебный выпад героя против крохотного родничка символизирует его глубокую враждебность истокам народной жизни, на которые Грацианский своим своим существованием и всей своей деятельностью кощунственно посягает.

Грацианского ожидает тот же конец, что и других, родственных ему по духу леоновских героев. Страшась справедливого суда Родины, пропадает он с лица земли. Хотя, зная, как живуча и прилипчива грацианщина, Леонов (впервые) устами Вихрова сомневается: «не оставил ли он у проруби шапку и палку нашим простакам в намерении еще раз обвести их вокруг пальца»³⁸.

* * *

С ясной, осознанной целью — дать возможность проявиться главному в характере героя, проникнуть в душу человека до самой ее сокровенной сути приводит Леонов своих героев на встречу с Родиной. И добивается своего: вскрывает истоки заблуждений героя («Барсуки»), дает увидеть возможность его духовного возрождения («Вор»), срывает маску со страшного лица индивидуалиста (Грацианский у родника, «Русский лес»). Особую роль играет композиционный прием «встречи» для раскрытия образов положительных героев. Ведь как и для самого Леонова — Родина для этих людей — нечто неизмеримо близкое и родное. И оттого при встрече с нею как бы спадают с их души некие защитные покровы, которыми они, по свойственной у Леонова почти каждому хорошему человеку манере замыкаться перед чужим, незнакомым и непонятым, себя прикрывают. Перед лицом Родины человек раскрывается, становится проще, доверчивее, беззащитнее...

Вот Николай Черимов («Скутаревский») — молодой ученый, круто идущий в гору, волевой и непреклонный человек. Постоянная целеустремленность Черимова в сочетании с его ироничной властностью, непреклонностью суждений создают вокруг него своего рода защитную броню. «Закованный» в эту броню появляется Черимов в квартире Скутаревских и встреча с другом юности оказывается не в силах растопить

³⁷ Там же, т. 9, стр. 293.

³⁸ Там же, стр. 808.

ее. Но вот в руках Черимова «шершавая бумажка» — трамвайный билет, дающий ему «право на самое удивительное путешествие» — поездку на рабочую окраину, где прошли детство и юность. Здесь, на Родине — Черимов уже иной.

«Колька я...», — шепчет он при встрече со старым товарищем, Федором, и терпеливо ждет, пока тот его признает. И затем, показывая Федору свою книгу — «Мое, мое... вот тут и имя поставлено, видишь? — и тыкал пальцем в страницу. — Ассистан Тшеримов, это я, Колька. Ассистан де ланститу». — Никогда, ни раньше, ни впоследствии не вел он себя таким мальчишкой, но здесь он не боялся уронить свое достоинство... Точно такую же книжку, но еще не переведенную, он в свое время посылал и Арсению — с тем же чувством безвредного, дерзостного юношеского хвастовства. «Не туда посылал, не там значит и признания искал!» — подумал он мельком и жалел, что не имеет возможности с корнем выдрать оттуда намелко и нежно исписанную страничку»³⁹.

Показывая друзьям заповедный родничок, Иван Вихров оглядывается «с видом человека, который показывает чужому человеку ладанку матери или карточку невесты», а снова припав к источнику после долгих и трудных лет разлуки, обращается к нему «с опущенными руками, как перед начальством, выше которого не бывает: «Здравствуй, добрый и вечный. Это я, Иван Вихров, если помнишь меня. Вот навестить и отчитаться к тебе пришел... Здравствуй!»⁴⁰

Леонов находит удивительно емкие слова и образы для передачи полноты душевной отданности, безграничного доверия.

И Родина щедро отзывается на это безоглядное сыновнее чувство. Если бы Арсений Скутаревский узнал, куда направился после встречи с ним Колька Черимов, его бывший друг, он был бы удивлен и озадачен. Не понять было бы Арсению, что встреча с Родной была для Черимова глотком живой воды, влившим в душу новые необъятные силы. Недаром, возвращаясь к себе в институт, он «то по мальчишески скользил на обнаженном льду тротуара, то останавливался и подолгу глядел на собственные следы. Яркий электрический свет делал их выпуклыми и сверкающими. Понистине они были великолепны и значительны, следы человека, который идет»⁴¹. Грацианский недоумевает, с чего бы это, освобожденный по амнистии из ссылки Вихров, вместо возвращения к прерванной учебе или «жаркой общественной деятельности», как поступил сам Александр Яковлевич, «предпринял тогда полугодовое путешествие» по губерниям Европейской России даже с заездом в Сибирь»⁴². «И правда, она выглядела несколько загадочной, эта бродяжная прихоть, казалось бы, изголодавшегося в ссылке и внешне рассуди-

³⁹ Там же, т. 5, стр. 97.

⁴⁰ Там же, т. 9, стр. 795.

⁴¹ Там же, т. 5, стр. 100.

⁴² Там же, стр. 198.

тельного человека»⁴³. Но, видно, был для Вихрова глубокий смысл в том, чтобы «полупешком и впроголодь пускаться в тысячеверстную прогулку, чтобы вникнуть в незамысловатые повести исподней русской жизни»⁴⁴. «Слезая на полустанке поглуше, чтобы брести невесть куда до встречного шляха», изучая «под руководством одноглазого столетнего старича сидку дегтя где-то на Припяти», слушая, как «осипшими от царской водки голосами тянут песню про своего героя астраханские амбалы», Вихров преследует свою давнюю мечту «еще раз прикоснуться щекой к суховатой, вскормившей его груди». И это прикосновение матери-Родины дает герою силу и уверенность в себе. Всматриваясь «с нежностью и оттенком той неизменной грусти, без которой не бывает ни большой любви, ни, пожалуй, душевного здоровья», в «ненаглядные морщинки материнского лица» Родины, герой готовит себя к трудному и прямому пути, закаляет для правой борьбы, которой будет отдана вся его грядущая жизнь.

Мотив слиянности, неразрывности Родины и героя достигает наивысшего развития в повести „Eugenia Ivanovna“. Мысль об этом высказывается здесь не косвенно, обиняком, а прямо, почти декларативно. «Я сделана из этой Земли»,— говорит Евгения Ивановна Пикерингу, пытаясь как-то объяснить «иностранцу» владеющее ею мучительное чувство, которое неудержимо тянет к Родине русское сердце «даже сквозь толщу Кавказского хребта, не говоря уж о защитной броне горячайших воспоминаний». Попытка героини, съездив в Россию, «отпроситься на волю, чтоб не томила больше ночными зовами, отпустила ее, беглую, вовсе бесполезную теперь»⁴⁵ не удастся. Внешне вроде бы ничего и не связывает Евгению Ивановну с Родиной, которую она покинула почти ребенком. Но внутренние, глубинные связи оказываются столь сильными, что разрыв их воспринимается как тяжелейшая травма, как разрыв пуповины, связывающей ребенка с телом матери и несущей его организму животворные соки. Образ героини становится олицетворением вершины национального чувства: единства человека с родной землей.

Так автор подводит читателя к мысли о закономерности трагического конца Жени. Пройдя все семь кругов эмигрантского ада — нищету, голод, отчаяние, предательство любимого человека, она оказывается не в силах справиться с непонятным для европейца «чисто русским недугом». Избавление от печалей бывшей родины, от нынешних ее бед и от испытаний, которые ждут ее впереди и роднят былых соотечественников Евгении Ивановны, «словно грозный исторический пароль», обрекает героиню на гибель.

⁴³ Там же, стр. 198.

⁴⁴ Там же, стр. 198.

⁴⁵ Л. Леонов. „Eugenia Ivanovna“. М., 1966, стр. 60.

Произведенный в статье краткий анализ позволяет сделать вывод о том, что отношения героя и Родины, символизирующие их генетическую, от природы, неразрывную связь, являются у Леонова первоосновой человеческого характера, на которой базируются и из которой закономерно вытекают другие его определяющие черты. Отношения эти являются как бы стержнем, вокруг которого формируется человеческий характер, основной движущей силой развития этого характера, сущность которого исчерпывается жизненной судьбой героя. Доказывая — сила человека от Родины, от глубины и неразрывности его связей с нею, Леонов делает эти отношения мерилom духовной ценности личности и одновременно — средством формирования этой личности, становления человеческого характера.

Февраль, 1968

Вильнюсский гос. университет
им. В. Капсукаса

ŽMOGUS IR TĖVYNĖ. APIE ŽMOGAUS KONCEPCIJĄ L. LEONOVO KŪRYBOJE

S. KUZMENKO

Re z i u m ė

Vienas svarbiausių Leonovo kūrybos žmogaus koncepcijos aspektų — mintis apie genetinį, kraujo ryšį žmogaus su jį pagimdžiusiu pasauliu. Šiuo atžvilgiu ypatingą reikšmę įgauna ta sudėtinga savitarpio apykaita, kuri pastoviai vyksta tarp asmenybės ir ją suformavusios aplinkos, tarp žmogaus ir jį pagimdžiusios žemės.

Herojaus ir Tėvynės santykiai, simbolizuojantieji jų genetinius, gamtiškus, nesugriaunamus ryšius, Leonovui tampa savotiška tipizacijos priemone. Rašytojo kūryboje jie yra pirminis žmogaus charakterio pagrindas, kuriuo grindžiami ir iš kurio išplaukia kiti, jį apsprendžiantieji bruožai, šerdis, apie kurią formuojasi tas charakteris, pagrindinė jo vystymosi stumiamoji jėga. Įrodinėdamas — žmogaus jėga nuo Tėvynės, nuo jo santykių su ja gilumo ir glaudumo — Leonovas daro herojaus ir Tėvynės santykius asmenybės dvasinės vertės kriterijumi ir tuo pat metu — tos asmenybės, žmogaus charakterio formavimosi priemone.

MAN AND HIS HOMELAND. THE CONCEPTION OF MAN IN L. LEONOV'S WORKS

S. KUZMENKO

Summary

One of the main aspects of the conception of Man in Leonov's works is the idea of Man's genetic blood bond with the world that produced him. According to this of particular importance is the complex exchange of the relations constantly going on between the personality and the surroundings that formed him, between Man and Earth that produced him.

The relations of the hero and his Homeland, symbolizing their genetic, natural, unbreakable links become a peculiar means of typization in Leonov's works. Man's primary character is based on these relations as well as some other features on the one hand characterizing it, on the other hand arising out of it. While proving the strength of Man that arises out of his Homeland and the depths of their conceptions Leonov treats the relation between the hero and his Homeland as the criterium of Man's inner value and at the same time as a means for Man's character formation.